

Б. Б. Манджиева

Калмыцкий научный центр Российской академии наук

ЭПИЧЕСКИЕ МОТИВЫ МОНГОЛО-ОЙРАТСКОГО ЭПОСА СКАЗИТЕЛЯ ПАРЧЕНА И ИХ ПАРАЛЛЕЛИ В НАЦИОНАЛЬНЫХ ВЕРСИЯХ «ДЖАНГАРА»

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению эпических мотивов монголо-ойратского эпоса сказителя Парчена. Актуальность исследования обусловлена тем, что несмотря на широкий охват круга проблем эпоса монгольских народов, вопросы изучения мотивов монголо-ойратской эпической традиции все еще остаются недостаточно исследованными. Новизна исследования состоит в рассмотрении эпических мотивов монголо-ойратского героического эпоса в сравнительном аспекте с национальными версиями эпоса «Джангар». Целью данной статьи является рассмотрение эпических мотивов героических поэм монголо-ойратского эпоса сказителя Парчена, которые были записаны, переведены на русский язык и опубликованы Б. Я. Владимирцовым. Задачи исследования: охарактеризовать эпический репертуар сказителя Парчена, выявить эпические мотивы в монголо-ойратском героическом эпосе и рассмотреть их в сравнительном аспекте в синьцзян-ойратской и калмыцкой традициях эпоса «Джангар». В работе применены описательный, сравнительно-сопоставительный методы, при изучении эпических текстов используются методы текстологического анализа. Материалом исследования являются тексты ойратских эпоев: «Бум-Ердени», «Дайни-Кюрюль», «Кигийн-Кийтюн-Кэж-Тэмюр-Зеве», «Егиль-Мерген», «Ергиль-Тюрюль», «Шара-Бодон», тексты эпических песен синьцзян-ойратской версии «Джангара», изданные в Китае в 1986–2000 гг., переложённые на современный калмыцкий язык ученым-востоковедом Б. Х. Тодаевой, а также тексты калмыцкой версии «Джангара». Рассмотрение эпических мотивов монголо-ойратских эпоев показало, что в процессе исторического развития народов от патриархально-родового к феодальному строю архаические мотивы (мотив первотворения, чудесного рождения, наречения имени, предназначенной невесты, «внешней души», «трудных задач», трех состязаний и др.) были трансформированы и унаследованы героическим эпосом «Джангар». Мотив первотворения, присутствующий в монголо-ойратском эпосе «Егиль-Мерген» в синьцзян-ойратской версии «Джангара» изображает мифологическое раннее время, которое переходит на иерархически более высокий уровень, получая статус изначального водяного хаоса. Образ этого хаоса, принимая промежуточную форму, открывает очередную фазу существования вселенной. Мотив наречения имени, являясь важной составляющей эпической биографии героя, в тюрко-монгольском эпосе сопровождается обрядом, а в национальных версиях «Джангара» – йорялом-благопожеланием, которое является магическим благословением и предсказанием будущего героического пути богатыря. Чудеснорожденный богатырь ойратских эпоев, совершающий героические деяния в интересах своего рода, в национальных версиях «Джангара» преобразуется в наследника эпического властелина, члена семьи богатырей, первого среди равных (Джангар-богдо) в беззаветном служении отчизне – Бумбайской державе.

Изучение эпоса монгольских народов в данном направлении представляется перспективным для дальнейших исследований проблем сказительства, мотивов, поэтики и стиля фольклорного текста.

© Манджиева, Б. Б., 2024

© Mandzhieva, B. B., 2024

МАНДЖИЕВА Байрта Барбаевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела фольклора и литературы Калмыцкого научного центра РАН, Элиста, Россия. ORCID: 0000-0002-5644-3340. E-mail: mbbairta@yandex.ru

MANDZHIEVA Bayrta Barbaevna – Doctor of Philological Sciences, Leading Researcher, Department of Folklore and Literature, Kalmyk Scientific Center, Russian Academy of Sciences, Elista, Russia. ORCID: 0000-0002-5644-3340. E-mail: mbbairta@yandex.ru

Ключевые слова: архаический эпос; «Джангар»; песнь; богатырь; герой; мотив; эпизод; тема; богатырское сватовство; традиция

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-48-03026 «Эпический ландшафт ойратов России, Монголии и Китая (от архаического эпоса до книжного текста)».

Для цитирования: Манджиева, Б. Б. Эпические мотивы монголо-ойратского эпоса сказителя Парчена и их параллели в национальных версиях «Джангара» // Эпосоведение. – 2024. – № 4 (36). – С. 27–37. – DOI : 10.25587/2782-4861-2024-4-27-37.

B. B. Mandzhieva

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Epic motifs of the Mongol-Oirat epic story of Parchen and their parallels in the national versions of *Dzhangar* epic

Abstract. The article is devoted to the consideration of epic motifs of the Mongol-Oirat epic of the epic teller Parchen. The relevance of the study is due to the fact that, despite the wide coverage of the range of problems of the epic of the Mongolian peoples, the issues of studying the motifs of the Mongol-Oirat epic tradition still remain insufficiently studied. The novelty of the study lies in the consideration of the epic motifs of the Mongol-Oirat heroic epic in a comparative aspect with the national versions of the *Dzhangar* epic. The purpose of this article is to consider the epic motifs of the heroic poems of the Mongol-Oirat epic of the epic teller Parchen, which were recorded, translated into Russian and published by Boris Vladimirtsov. The objectives of the study are to characterize the epic repertoire of the epic teller Parchen, to identify epic motifs in the Mongol-Oirat heroic epic and to consider them in a comparative aspect in the Xinjiang-Oirat and Kalmyk traditions of the *Dzhangar* epic. The work uses descriptive, comparative and contrastive methods, and textual analysis methods are used in the study of epic texts. The material of the study is the texts of the Oirat epics: *Bum-Erdeni*, *Daini-Kuryul*, *Kigiin-Kiytyun-Keke-Temur-Zeve*, *Egil-Mergen*, *Ergil-Tyurgul*, *Shara-Bodon*, the texts of the epic songs of the Xinjiang Oirat version of *Dzhangar*, published in China in 1986–2000, translated into the modern Kalmyk language by the orientalist Bulyash Todaeva, as well as the texts of the Kalmyk version of *Dzhangar*. The examination of the epic motifs of the Mongol-Oirat epics showed that in the process of historical development of peoples from the patriarchal-clan to the feudal system, archaic motifs (the motif of the first creation, miraculous birth, naming, the destined bride, the “external soul”, “difficult tasks”, three competitions, etc.) were transformed and inherited by the heroic *Dzhangar* epic. The motif of the first creation, present in the Mongol-Oirat epic *Egil-Mergen* in the Xinjiang-Oirat version of *Dzhangar* depicts the mythological early time, which passes to a hierarchically higher level, receiving the status of the original water chaos. The image of this chaos, taking an intermediate form, opens the next phase of the existence of the universe. The motif of naming, being an important component of the epic biography of the hero, is accompanied by a ritual in the Turkic-Mongolian epic, and in the national versions of *Dzhangar* – by a yoryal-good wish, which is a magical blessing and a prediction of the future heroic path of the hero. The miraculously born hero of the Oirat epics, performing heroic deeds in the interests of his family, in the national versions of *Dzhangar* is transformed into the heir of the epic ruler, a member of the family of heroes, the first among equals (*Dzhangar-bogdo*) in selfless service to the fatherland – the Bombay state.

The study of the epic of the Mongolian peoples in this direction seems promising for further research into the problems of epic telling, motifs, poetics and style of folklore text.

Keywords: archaic epic; *Dzhangar*; song; bogatyr; hero; motif; episode; theme; heroic matchmaking; tradition

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 24-48-03026 “Epic landscape of the Oirats of Russia, Mongolia and China (from archaic epic to book text)”.

For citation: Mandzhieva, B. B. Epic motifs of the Mongol-Oirat epic story of Parchen and their parallels in the national versions of *Dzhangar* epic. 2024, No. 4(36), pp. 27–37. DOI: 10.25587/2782-4861-2024-4-27-37.

Введение

В отечественной фольклористике изучению архаических эпических повествований посвящены исследования известных ученых-востоковедов Б. Я. Владимирцова [2; 3], В. М. Жир-

мунского [4; 5], В. Я. Проппа [6; 7; 8], Е. М. Мелетинского [9; 10], Б. Н. Путилова [11; 12; 13], П. А. Троякова [14], С. Ю. Неклюдова [15; 16], Г. И. Михайлова [17], А. Ш. Кичикова [18; 19; 20], Н. Ц. Биткеева [21], Т. Г. Басанговой (Борджановой) [22; 23; 24], Е. Э. Хабуновой [25] и др.

Актуальность исследования обусловлена тем, что несмотря на широкий охват круга проблем эпоса монгольских народов, вопросы изучения мотивов монголо-ойратской эпической традиции все еще остаются недостаточно исследованными. Новизна исследования состоит в рассмотрении эпических мотивов монголо-ойратского героического эпоса в сравнительном аспекте с национальными версиями эпоса «Джангар». Целью данной статьи является рассмотрение эпических мотивов героических поэм монголо-ойратского эпоса сказителя Парчена, которые были записаны, переведены на русский язык и опубликованы Б. Я. Владимирцовым. Для реализации поставленной цели решаются следующие задачи: охарактеризовать эпический репертуар сказителя Парчена, выявить эпические мотивы в монголо-ойратском героическом эпосе и рассмотреть их в сравнительном аспекте в синьцзян-ойратской и калмыцкой традициях эпоса «Джангар». В работе применяется описательный, сравнительно-сопоставительный метод, при изучении эпических текстов используются методы текстологического анализа. Материалом исследования являются тексты архаических эпопей: «Бум-Ердени», «Дайни-Кюрюль», «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве», «Егиль-Мерген», «Ергиль-Тюргюль», «Шара-Бодон» [3], тексты эпических песен синьцзян-ойратской версии «Джангара», изданные в Китае в 1986–2000 гг. [26; 27; 28], переложенные на современный калмыцкий язык ученым-востоковедом Б. Х. Тодаевой [29; 30; 31], а также тексты калмыцкой версии «Джангара» [32; 33; 34].

О сказителе Парчене и его репертуаре

Эпопеи «Бум-Ердени», «Дайни-Кюрюль», «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве», «Егиль-Мерген», «Ергиль-Тюргюль», «Шара-Бодон», повествующие о героических деяниях и событиях мифологического прошлого, представляют одну из архаических эпических традиций ойратов, которые были записаны Б. Я. Владимирцовым от прославленного ойратского сказителя Парчена (1855–1926) из племени баит, рода цорос. По сведениям Б. Я. Владимирцова: «Парчен, как младший сын, <...> был отдан в родной баитский монастырь лет десяти; до той же поры он прожил в семье, пас баранов. Еще девятилетним мальчиком запомнил он хорошо одну героическую эпопею, “Ергиль-Тюргюль”, исполнение которой привелось ему слышать в ставке своего князя. Эпопея и ее исполнение произвели на мальчика очень сильное впечатление, и он затем все старался припомнить былинку и пропеть ее, подражая настоящему певцу. Вслед за тем удалось молодому Парчену выучить еще одну небольшую эпопею, которую он тоже все пытался исполнять, как настоящий певец-тульчи» [3, с. 348]. Во время обучения в буддийском монастыре юный Парчен впервые услышал исполнение эпопеи «Бум-Ердени» талантливым сказителем Бурул-Сесрин и сразу запомнил былинку. Затем он стал воспроизводить ее перед знакомыми монахами. Когда Бурул-Сесрин узнал, что молодой Парчен, которому было тогда 13–14 лет, пробует петь былинку, то пригласил его к себе и предложил спеть что-нибудь. Исполнение Парченом эпопеи «Бум-Ердени» поразило старого рапсода, растроганный сказитель по окончании былинки поднес Парчену хадак (ритуальный длинный шарф) и, назвав его своим преемником, выразил свою радость, что любимые им эпопеи не умрут вместе с ним. С этого времени Парчен и получил звание «туульчи» – певца героических эпопей, ему было тогда всего четырнадцать лет [3, с. 349].

По сведениям Б. Я. Владимирцова, сказитель Парчен в качестве певца был приглашен баитским князем Да-бейсе в его ставку исполнять былинки. Проживая у Да-бейсе, который с особой любовью относился к национальным героическим эпопеям, Парчен получил возможность изучить героическую поэму «Хан-Харангуй» по рукописи, хранившейся в семейной коллекции князя. В следующей поездке сказитель Парчен познакомился с певцом-монахом Шерибом из рода баит и усвоил от него огромную знаменитую эпопею «Дайни-Кюрюль» и стал самым известным «туульчи» во всем округе [3, с. 350]. «Баитские и дэрбэтские князья стали постоянно

приглашать его к себе, в свои ставки, петь богатырские эпопеи, в особенности в зимнее, скучное для кочевника время. Как настоящий певец-артист, Парчен всегда с охотой отправлялся к князьям петь свои эпопеи; привлекало его, быть может, и то обстоятельство, что князья богато одаривали его, и он не раз возвращался домой из таких поездок, ведя по нескольку подаренных ему коней, привозя халаты, шелк и другие подношения. В это время он выучил еще три героические эпопеи, причем одну от известного знатока ойратского героического эпоса» [3, с. 350].

Монголо-ойратскому героическому эпосу свойственна обширная вступительная часть, описывающая мифологическое время и страну героя. По мнению И. В. Пухова, «чем обширнее и величественнее страна и богаче ее люди, тем значительнее должны быть подвиги героя, защищающего их» [1, с. 49]. Герой ойратских сказаний является представителем рода и семьи, его подвиги связаны с добыванием невесты. Героическое сватовство, женитьба на суженой занимает одно из важнейших мест в сюжете архаического эпоса ойратов. Чудеснорожденный богатырь, узнав о предназначенной судьбой невесте, отправляется на ее поиски. Согласно эпическому повествованию, суженая живет одна на краю света, и чтобы добраться до нее, герой с помощью чудесного коня, который также предназначен ему свыше, преодолевает препятствия, борется с мангасами-чудовищами, уничтожает их, а народ побежденного врага переселяет в свои кочевья.

Рассмотрим ряд мотивов героического эпоса ойратов, параллели которых присутствуют в синьцзян-ойратской и калмыцкой версиях «Джангара».

Мотив первотворения

В экспозиции ойратского эпоса «Егиль-Мерген» время рождения героя определяется как мифическая эпоха первотворения, в которой «основные компоненты мироздания вырастают из своего рода “космических эмбрионов”, вселенная расширяется, начиная с некоторой “нулевой отметки”» [16, с. 160]: «когда море Бум было лужицей, а седой аргали был теленком, в то время, когда впервые пал луч желтого солнышка, когда стала расти вера тысячи будд этой калпы, когда жители этого подсолнечного мира только что начали расти-множиться, во время, когда стала распространяться вера Шакиямуни, в то время родился славный витязь, которому подчинились народы этого мира. <...> Когда гора Сумеру была малым перевалом, когда великое Молочное море было лужицей, в то время, когда семьдесят семь царей нижней стороны были малыми детьми, когда Дара-еке была богинькой, а Далай лама был послушником, в то время, когда царь тридцати трех небожителей, Хормуста, вступил в трехлетний возраст, славный витязь родился, говорят, безраздельно завладев этим подсолнечным миром» [3, с. 493].

В синьцзян-ойратской версии «Джангара» данный мотив встречается в песне «Песнь о битве Алого Хонгора Благородного с ханом Нарандалой» («Арг Улан Хоңһр Нарндала хаанла бээр бэрлдгсн бөлг»): *Һазад дала чальчг цагт, / Галвр зандн бура цагт, / Сүмбр уул / Довң чинән цагт...* – ‘В то время, когда Внешний океан лужицей был, / Когда дерево Галбар Зандан было кустиком, / Когда гора Сумеру / Холмиком была...’² [30, с. 75].

Архаический мотив первотворения присутствует также в главе «Песнь о том, как малолетний Алый Хонгор, одержав победу над Хянгил Хавхыгом, привез его шлем» («Отхн Улан Хоңһр Хәңгл Хавхиг дарад дуулхини залж иргсн бөлг»): *Һазад дала чальчаг киртә бәэгсн [цагт], / Галвр зандн нәэтг бура бәэгсн [цагт], / Сүмбр уул товчин киртә бәэгсн [цагт], / Сүн дала тогталын киртә бәэгсн [цагт], / <...> Тург шовун дегдәмл бәэгсн [цагт], / Тиш эрт нег цагт...* – ‘В то время, когда Внешний океан был грязной лужицей, / А дерево Галбар Зандан было кустиком, / Когда гора Сумеру только-только выпячивалась из земли, / Когда океан Сун был еще грязной лужицей, / <...> Когда птица турак еще была птенцом, / В это раннее время...’ [30, с. 167].

Мифологическое раннее время отмечается в экспозиции песни «Песнь о том, как Бамин Улан Хонгор одержал верх над Свирепым Доронгин Хара Мангасом» («Бамин Улан Хоңһр

² Здесь и далее перевод автора статьи

Дорңин Догшн Хар Манһсиг даргсн болг»): *Эн халвин эки цагт, / Эн Замбутив туңхи цагт, / Газад дала чальчаг цагт, / Галвр зандн нээтг цагт...* – ‘В это раннее время, / Когда Замбатив только образовывалась, / Когда Внешний океан был еще лужицей, / Когда дерево Галбар Зандан было кустиком...’ [30, с. 231].

Мотив первотворения архаического эпоса в синьцзян-ойратской версии «Джангара», изображая мифологическое раннее время, переходит «на иерархически более высокий уровень, получая статус изначального водяного хаоса. Адаптация понятия *кальпа* приводит к тому, что образ этого хаоса в свою очередь модифицируется, становясь формой уже не первичной, а промежуточной, открывающей очередную фазу существования вселенной и, соответственно, завершающей предшествующую фазу» [16, с. 161].

Мотив чудесного рождения героя

На таком мифологическом фоне раннего времени рождается главный герой эпического сказания. Сказитель описывает обстоятельства его рождения и чудесные признаки богатыря: «Выходя на свет из желтой утробы матери своей, держал он во рту алмазный черный меч; таким родился он, говорят. Родился он, говорят, зажав в руке кусок запекшейся черной крови величиной с печень» [3, с. 493].

По представлениям предков ойратов и калмыков, рождение человека есть его выход из иного мира. «Для обеспечения благополучного разрыва новорожденного с другим миром и социализации его в земном мире совершается комплекс ритуалов, обрядов и соблюдаются определенные запреты» [25, с. 23]. Появлению на свет человека предки уделяли особое внимание и детально изучали все признаки, по которым можно было определить судьбу новорожденного, при этом учитывались положение, поза, состояние «выходящего», позиция небесных светил на тот момент, реакция природного мира на данное событие, особые приметы младенца и т. д. [25, с. 23]. Рождение младенца со сгустком крови в кулачке предзнаменовало его героическое будущее. Данный мотив также встречается в героическом эпосе «Джангар».

В ойратской эпопее «Дайни-Кюрюль» герой рождается от бездетных родителей-стариков, которые обращались с молитвой к трем драгоценностям и духам-хранителям. Услышав их просьбы-молитвы, тридцать три небожителя ниспослали бездетным старикам чудеснорожденного сына, «с золотой грудью, с серебряным торсом, с чугунным бронзовым пупком и хрустальным челом» [3, с. 3]. Младенец рождается с необыкновенной пуповиной, которую отец ребенка никак не может перерезать, тогда новорожденный заговорил: «В этом трехмирии нет ничего, что бы могло взять мою пуповину; если может взять, то только алмазный черно-стальной меч моего деда, что лежит в земле на три пядени у правого края нашего очага» [3, с. 412]. Далай-хан, откопав тонкий черно-стальной меч, перерезает пуповину чудеснорожденному сыну. Исследователи отмечают, что в тюрко-монгольском эпосе встречается мотив умения новорожденного ребенка разговаривать [см. 36, с. 67; 36, с. 420]. В синьцзян-ойратской версии «Джангара» главный герой рождается в околоплодном пузыре и, находясь в оболочке, также умеет разговаривать: *Аав мини яһла? / Ээж мини, эс бээнүчи? / Эрнэд бээгсн кевтэ болв би, / Арһ юн билэ? – гижэ гинэ* – ‘Где мой отец? / Мать моя, ты здесь? / Не могу я выбраться, / Как мне быть?’ [29, с. 54]; *Сүнэсү хээрлх аав мини яһла? / Сүнэсү көкүлх аажэ (ээж) мини яһла?* – ‘Где мой отец, что защитит мою душу? / Где моя мать, что накормит меня грудью?’ [29, с. 134].

В калмыцкой эпической традиции «Джангара» мотив стальной пуповины сохранился в «Песне о Шара Гюргю» Малодербетовского цикла (1862 г.). Согласно повествованию, новорожденному младенцу никак не могли перерезать пуповину, только с помощью чудесного меча «Билгин Шарванг» отец ребенка хан Джангар смог перерезать пуповину сына: *Арвн сарин нүр үзэд, көвүн һарв. / Билгин Шарвң нертэ үлдэр / Хар болд киисинь керчэд авв* – ‘Через десять месяцев сын родился. / Билгин Шарвангом именуемым мечом / Плотную пуповину перерезал он’ [33, с. 307]. «Стальная (бронзовая, каменная) пуповина представляет собой одно из вместилищ “жизни-души” (эмн-сүмсн) персонажа» [35, с. 420].

Чудеснорожденный герой ойратских архаических сказаний (Бум-Ердени, Ергиль-Тюр-гюль) обладает магической силой покровительствующих божеств: «На макушке у него выявился Ваджрадара, на темени – Дзонкава, на плече – Махакала, на горле – Хоншим-бодисатва, на обоих плечах двадцать одна Дара-еке» [3, с. 371, с. 505], а также силой мифической птицы Гаруды, тигра и дракона: «... в руках у него проявлялась сила гаруды и тигра, в костях рук воплотилась сила тридцати трех драконов, в лопатках проявлялась мощь царственной гаруда» [3, с. 372], «В руках его была сила гаруды и тигра, в костях – мощь тридцати трех драконов» [3, с. 505].

В песне «Песнь о свирепом Мала Хавха» («Догшн Мала Хавхин бөлг») ойратского джангарчи Лиджи в характеристике главного героя также присутствует описание обладания им чудесной силы: *Зула дерни / Зункин гегэни күчн төгсгсн, / Ора деерни / Очрванин гегэни күчн төгсгсн, / Маңна хоорндни / Маххалын гегэни күчн төгсгсн, / Дал хоорндни / Далн хан харудин күчн төгсгсн, / Давсгин экндни / Найн хан харудин күчн төгсгсн...* – ‘На темени его / Цзонхавы сила была сосредоточена, / На голове его / Ваджрапани сила сосредоточена, / На лбу его / Махакалы сила сосредоточена, / Между двух лопаток его / Семидесяти двух гаруд сила заключена, / У основания мочевого пузыря / Восьмидесяти гаруд сила заключена’ [30, с. 387].

Мотив чудесного рождения героя, обладающего покровительством божеств и силой мифических персонажей, восходит к древним мифологическим представлениям предков и отражает черты народного быта.

Мотив наречения имени

Мотив наречения имени является важной составляющей эпической биографии героя. В. М. Жирмунский, рассматривая данный мотив, приводит ряд примеров, в которых наречение младенца сопровождается обрядом. В частности, исследователь приводит старый казахский обычай наречения имени, которое происходило на третий день после рождения, при торжественном переложении младенца в колыбель. При этом устраивали пир, «собирали одноаульцев, закалывали барана (обычная ритуальная трапеза), мулла читал молитву. Имя давал “самый почетный мужчина”, у богатых чаще всего мулла, вероятно, заступивший в этой роли более древнего шамана» [5, с. 233].

По мнению Е. Э. Хабуновой, приобщение ребенка к роду начинается с момента, когда он обретает имя. «Признание человеческого индивидуума было возможным только при наличии имени собственного, которое провозглашалось на пиру “*mela’lgen*”, знаменующем рождение человека и проводимого только после заживления пупка ребенка, “*kiisenakh*”, которое в календарном исчислении приходится на седьмые сутки после рождения. До этого ребенок оставался безымянным изолированным даже от родных. В этот “карантинный период” его называли временным именем, называемым калмыками младенческим именем “*niilnern*”. Новорожденного могли называть нарицательно (*baa’ba* ‘младенец’) или давали ему имя-прозвище “*naadlsnnerm*”» [25, с. 39–40].

В песнях синьцзян-ойратской версии «Джангара» наречение именем чудеснорожденного богатыря сопровождается произнесением йоряла-благопожелания. В песне ойратского сказителя Нарса «Песнь о том, как было найдено имя Джангар» («Жаңһр гидг нериг олсн бөлг») наречение именем найденного младенца сопровождается йорялом-благопожеланием, произнесенным супругой Шигширги Зандан Куш, которое явилось «магическим благословением и предсказанием его будущего героического пути» [5, с. 233]: *Эзн теңгрэс эркишилтэ төрсн, / Хаана теңгрэс хэртэ төрсн, / Хамг нутта эзн болдг, / Хан нойн Жаңһр гидг болв!* – ‘Властью, дарованной Хозяином Неба, родившийся, / Любовью, дарованной Ханом Неба, родившийся, / Властелин всех ханств – / Хан нойон Джангар!’ [5, с. 428].

В ойратской эпосе «Бум-Ердени» о своем славном имени герой говорит, что прославилось оно по всему Алтаю и Хангаю: «... великое имя мое в десяти странах света прогремело, а великая, неизбывная добродетель моя наполнила Алтай и Хангай» [3, с. 360].

Тема героического сватовства

Тема героического сватовства является одним из важных составляющих эпической биографии героя архаического эпоса. По мнению В. М. Жирмунского, сюжеты богатырского сватовства отражают последовательные изменения брачных и семейных отношений. «Брачная поездка героя, одного или в сопровождении помощника (родича или побратима), сменяется в условиях феодального общества целыми многочисленными посольствами, вооруженными и нагруженными свадебными подарками, простое умыкание – сложно обставленным похищением или увозом невесты, при котором сваты являются в чужую страну под видом купцов или изгнанников из родной земли» [4, с. 110].

По утверждению В. Я. Проппа, «герой эпоса при создавшемся государственном строе должен совершать подвиги не в интересах рода, а в интересах государства» [7, с. 43]. Поездка героя за своей суженой «связана в патриархально-родовом обществе с экзогамными отношениями, когда добыча невесты из чужого рода-племени нередко сопровождалась умыканием (с согласия девушки или против ее воли) и тем самым в отражении сказки и эпоса должна была получить героический характер, свидетельствуя о мужестве, физической силе, предприимчивости молодого витязя» [4, с. 110].

В архаических сказаниях ойратов герой, отправляющийся в брачную поездку, преодолевает путевые препятствия, находит свою суженую, выполняет «трудную задачу», заданную тестем, или участвует в трех видах состязаний (скачки, борьба, стрельба из лука). Однако в героическом эпосе «Джангар» с преобладанием воинских интересов, сюжет брачной поездки принимает героический характер, богатырь участвует в воинских состязаниях с претендентом на руку невесты. Герой проходит испытание ловкости, силы и мужества, тем самым доказывает, что именно он предназначен судьбой жених, женится и возвращается на родину с караваном приданого невесты. В синьзян-ойратской эпической традиции «Джангара» в теме возвращения героя со своей суженой присутствует сказочный мотив устранения препятствий на обратной дороге. Так, в песне «Песнь о женитьбе льва[-богатыря] Араг Улан Хонгора» («Арслнгин Арг Улан Хоңһрин герлгсн бөлг») [29, с. 465–524] на обратном пути богатырь Хонгор был умерщвлен преследователями, тогда невеста, с помощью волшебной шкатулки, в которой были железные войны, выпустила их и уничтожила врагов [29, с. 520].

В калмыцкой версии «Джангара» в «Песне о женитьбе Хонгора» джангарчи Телтя Лиджиева тема героического сватовства взаимосвязана с обрядом инициации, который знаменует переход героя в статус жениха. Сюжет о похождениях героя в облике плешивого соотносится с представлениями о неузнаваемости героя. «Плешивость-паршивость героя как признак прохождения обряда инициации отличала его от других женихов – идентифицировала его как суженого принцессы» [20, с. 59].

Калмыцкая версия «Джангара» унаследовала мотив плешивого героя из сказочной традиции, которая имеет следующее последовательное сюжетное развитие: прибытие героя в облике плешивого в страну суженой, встреча с бездетными стариком и старухой, усыновление плешивого стариками, игра в альчики с детьми знати, конфликт с ханскими сыновьями, вызов на ханский суд, оправдание и вручение выигрыша, обнаружение своей истинной сущности и намерений, битва с врагами хана, женитьба на суженой, получение приданого невесты и возвращение в родные кочевья.

«Несмотря на “низкое” обличье, многие признаки выдают в нем героя-богатыря – хитрость, смекалка, находчивость, магические способности, исполнительское искусство, которые он намеренно демонстрирует» [37, с. 71].

Принятие плешивым мальчиком прежнего вида и его участие в трех видах состязаний с претендентом на руку невесты является кульминацией темы героического сватовства. В «Песне о женитьбе Хонгора», чтобы определиться с избранником своей дочери, хан объявляет брачные состязания (скачки, стрельбу из лука и борьбу). «Семантика мотива “трех видов брачных

состязаний” (скачек, стрельбы из лука и борцовского поединка) восходит к весьма древнему обрядово-ритуальному комплексу, широко распространенному у монгольских народов, – так называемым “трем видам мужских игрищ” (эрин хурвн наадн), имеющих инициационный характер» [37, с. 74]. Богатырь Хонгор выигрывает все три состязания, женится на своей суженой, получив приданое, возвращается на родину [34, с. 317–318].

Заключение

Монголо-ойратские эпосы «Бум-Ердени», «Дайни-Кюрюль», «Кигийн-Кийтюн-Кэкэ-Тэмюр-Зеве», «Егиль-Мерген», «Ергиль-Тюргюль», «Шара-Бодон», повествующие о героических деяниях и событиях мифологического прошлого, представляют одну из архаических эпических традиций ойратов. Рассмотрение эпических мотивов монголо-ойратского героического эпоса показало, что в процессе исторического развития народов от патриархально-родового к феодальному строю архаические мотивы (мотив первотворения, чудесного рождения, наречения имени, предназначенной невесты, «внешней души», «трудных задач», трех состязаний и др.) были трансформированы и унаследованы героическим эпосом «Джангар». Мотив первотворения, присутствующий в монголо-ойратском эпосе «Егиль-Мерген» в синьцзян-ойратской версии «Джангара» изображает мифологическое раннее время, которое переходит на иерархически более высокий уровень, получая статус изначального водяного хаоса. Образ этого хаоса, принимая промежуточную форму, открывает очередную фазу существования вселенной. Мотив наречения имени, являясь важной составляющей эпической биографии героя, в тюрко-монгольском эпосе сопровождается обрядом, а в национальных версиях «Джангара» – йорялом-благопожеланием, которое является магическим благословением и предсказанием его будущего героического пути. В монголо-ойратских сказаниях герой, отправляющийся в брачную поездку, преодолевает путевые препятствия, находит свою суженую, выполняет «трудную задачу» или участвует в трех видах состязаний (скачки, борьба, стрельба из лука). Чудеснорожденный богатырь ойратских эпосов, совершающий героические деяния в интересах своего рода, в национальных версиях «Джангара» преобразуется в наследника эпического властелина, члена семьи богатырей, первого среди равных (Джангар-богдо) в беззаветном служении отчизне – Бумбайской державе.

Литература

1. Пухов, И. В. Якутский героический эпос олонхо: основные образы. – Москва : Изд-во АН СССР, 1962. – 256 с.
2. Владимирцов, Б. Я. Монголо-ойратский героический эпос. – Петербург ; Москва : Светоч, 1923. – 253 с.
3. Владимирцов, Б. Я. Работы по литературе монгольских народов. – Москва : Восточная литература, 2003. – 608 с.
4. Жирмунский, В. М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. – Москва : Восточная литература, 1960. – 335 с.
5. Жирмунский, В. М. Тюркский героический эпос. – Ленинград : Наука, 1974. – 726 с.
6. Пропп, В. Я. Морфология сказки. – Ленинград : Academia, 1928. – 152 с.
7. Пропп, В. Я. Русский героический эпос. 2-е изд. – Ленинград : Гослитиздат, 1958. – 603 с.
8. Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1986. – 365 с.
9. Мелетинский, Е. М. Эдда и ранние формы эпоса. – Москва : Наука, 1968. – 368 с.
10. Мелетинский, Е. М. Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. – Москва : Восточная литература, 2004. – 462 с.
11. Путилов, Б. Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. – Ленинград : Наука, 1976. – 243 с.
12. Путилов, Б. Н. Героический эпос и действительность. – Ленинград : Наука, 1988. – 224 с.
13. Путилов, Б. Н. Эскурсы в теорию и историю славянского эпоса. – Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 1999. – 288 с.

14. Трояков, П. А. К вопросу об историко-генетическом изучении ранних форм эпоса // Советская этнография. – 1977. – № 3. – С. 125–132.
15. Неклюдов, С. Ю. Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. – Москва : Наука, 1984. – 309 с.
16. Неклюдов, С. Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. – Москва : Индрик, 2019. – 592 с.
17. Михайлов, Г. И. Проблемы фольклора монгольских народов. – Элиста : Калм. кн. изд-во, 1971. – 235 с.
18. Кичиков, А. Ш. Исследование героического эпоса «Джангар» (Вопросы исторической поэтики). – Элиста : Калм. кн. изд-во, 1976. – 156 с.
19. Кичиков, А. Ш. Архаические мотивы происхождения героя и их трансформации в версиях «Джангара» // Fragen der mongolischen Heldendichtung. Teil III. Vortrage der 4. Epensymposiums der sonderforschungsbereichs, Bonn, 1983. – Wiesbaden, 1985. – P. 301–372.
20. Кичиков, А. Ш. Героический эпос «Джангар». Сравнительно-типологическое исследование памятника. – Москва : Наука, Восточная литература, 1992. – 320 с.
21. Биткеев, Н. Ц. Калмыцкий героический эпос «Джангар»: проблемы типологии национальных версий. – Элиста : Калм. кн. изд-во, 1990. – 155 с.
22. Борджанова, Т. Г. О жанровой специфике монголо-ойратского героического эпоса // Типологические и художественные особенности «Джангара». – Элиста : КНИИЯЛИ, 1978. – С. 15–24.
23. Борджанова, Т. Г. Две записи ойратской эпопеи «Бум-Эрдэни» // Этнография и фольклор монгольских народов. – Элиста : Калм. кн. изд-во, 1981. – С. 19–26.
24. Борджанова, Т. Г. К вопросу изучения ойратской эпической традиции // Эпическая поэзия монгольских народов. – Элиста : Калм. кн. изд-во, 1982. – С. 106–115.
25. Хабунова, Е. Э. Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий). – Ростов-на-Дону : Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. – 256 с.
26. Жангар = «Джангар». Т. 1. Дунд улусийин ардын амн зокалурлгиг судлх ниигмлгин шинжангин уйгур эбээн засх оюни сала ниигмливгэс эмкэгдэлвэ. – Урумчи : Шинжийан-гиин ардын кэвлэлин хора, 1986. – 860 х. (На ойрат. письмен.)
27. Жангар = «Джангар». Т. 2. Дунд улусийин ардын амн зокалурлгиг судлх ниигмлгин шинжангин уйгур эбээн засх оюни сала ниигмливгэс эмкэгдэлвэ. – Урумчи : Шинжийан-гиин ардын кэвлэлин хора, 1987. – 865 х. (На ойрат. письмен.)
28. Жангар = «Джангар». Т. 3. Дунд улусийин ардын амн зокалурлгиг судлх ниигмлгин шинжангин уйгур эбээн засх оюни сала ниигмливгэс эмкэгдэлвэ. – Урумчи : Шинжийан-гиин ардын кэвлэлин хора, 2000. – 460 х. (На ойрат. письмен.)
29. Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов / в 3-х т. – Т. 1. – Элиста : АПП «Джангар», 2005. – 856 с. (На калмыцком яз.)
30. Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов / в 3-х т. – Т. 2. – Элиста : АПП «Джангар», 2006. – 831 с. (На калмыцком яз.)
31. Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов / в 3-х т. – Т. 3. – Элиста : АПП «Джангар», 2008. – 460 с. (На калмыцком яз.)
32. Джангар. Калмыцкий героический эпос (тексты 25 песен). Т. 2. / составитель А. Ш. Кичиков ; редактор Г. И. Михайлов. – Москва : Наука, ГРВЛ, 1978. – 417 с. (На калмыцком яз.)
33. Калмыцкий героический эпос «Джангар»: Малодербетовский цикл / вступительная статья Б. Б. Манджиевой ; сверка текстов песен с оригиналом на «ясном письме» Б. Б. Горяевой, Б. Б. Манджиевой, Ц. Б. Селеевой ; перевод Т. А. Михалевой ; примечание, комментарии, словарь, указатели Б. Б. Манджиевой, Т. А. Михалевой. – Москва : Первая Образцовая типография, Филиал «Чеховский Печатный Двор», 2020. – 544 с. – (Свод калмыцкого фольклора).
34. Манджиева, Б. Б. Калмыцкий героический эпос «Джангар»: эпический репертуар джангарчи Телтя Лиджиева. – Элиста : КалмНЦ РАН, 2024. – 412 с.
35. Манджиева, Б. Б. Мотив чудесного рождения в синьцзян-ойратской эпической традиции «Джангара» // Новый филологический вестник. – 2024. – № 2 (69). – С. 415–428.
36. Чаптыкова, Ю. И. Мотив чудесного рождения героя в хакасском героическом эпосе // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова: Серия Эпосоведение. – 2020. – № 2 (18). – С. 64–73. – DOI : 10.25587/k3804-4667-0763-p.

37. Селеева, Ц. Б. «Героическое сватовство» в синьцзян-ойратской версии «Джангара»: сюжетный состав и композиционная структура // Новый филологический вестник. – 2019. – № 2 (49). – С. 65–78.

References

1. Pukhov, I. V. Yakut heroic epic olonkho: main images. Moscow, Publ. House of the Academy of Sciences of the USSR, 1962, 256 p. (In Rus.)
2. Vladimirtsov, B. Ya. Mongol-Oirat heroic epic. Petersburg, Moscow, Svetoch Publ., 1923, 253 p. (In Rus.)
3. Vladimirtsov, B. Ya. Works on the literature of the Mongolian peoples. Moscow, Eastern Literature Publ., 2003, 608 p. (In Rus.)
4. Zhirmunsky, V. M. The Tale of Alpamysh and the heroic tale. Moscow, Eastern Literature Publ., 1960, 335 p. (In Rus.)
5. Zhirmunsky, V. M. The Turkic heroic epic. Leningrad, Nauka Publ., 1974, 726 p. (In Rus.)
6. Propp, V. Ya. Morphology of the fairy tale. Leningrad, Academia Publ., 1928, 152 p. (In Rus.)
7. Propp, V. Ya. Russian heroic epic. 2nded. Leningrad, Goslitizdat Publ., 1958, 603 p. (In Rus.)
8. Propp, V. Ya. Historical roots of the fairy tale. Leningrad, Leningrad State University Publ. House, 1986, 365 p. (In Rus.)
9. Meletinsky, E. M. Edda and early forms of the epic. Moscow, Nauka Publ., 1968, 368 p. (In Rus.)
10. Meletinsky, E. M. The origin of the heroic epic. Early forms and archaic monuments. Moscow, Eastern Literature Publ., 2004, 462 p. (In Rus.)
11. Putilov, B. N. Methodology of comparative historical study of folklore. Leningrad, Nauka Publ., 1976, 243 p. (In Rus.)
12. Putilov, B. N. Heroic epic and reality. Leningrad, Nauka Publ., 1988, 224 p. (In Rus.)
13. Putilov, B. N. Excursions into the theory and history of the Slavic epic. Saint Petersburg, Petersburg Oriental Studies Publ., 1999, 288 p. (In Rus.)
14. Troyakov, P. A. On the question of the historical and genetic study of early forms of the epic. *Soviet Ethnography*. 1977, No. 3, pp. 125–132. (In Rus.)
15. Neklyudov, S. Yu. Heroic epic of the Mongolian peoples. Oral and literary traditions. Moscow, Nauka Publ., 1984, 309 p. (In Rus.)
16. Neklyudov, S. Yu. Folklore landscape of Mongolia. Book and oral epic. Moscow, Indrik Publ., 2019, 592 p. (In Rus.)
17. Mikhailov, G. I. Problems of folklore of the Mongolian peoples. Elista, Kalm. Book Publ. House, 1971, 235 p. (In Rus.)
18. Kichikov, A. Sh. Study of the heroic epic “Dzhangar” (Questions of historical poetics). Elista, Kalm. Book Publ. House, 1976, 156 p. (In Rus.)
19. Kichikov, A. Sh. Archaic motifs of the hero’s origin and their transformations in the versions of “Dzhangar”. In: Fragen der mongolischen Heldendichtung. Part 3. Vortrage der 4. Epensymposiums der sonderforschungsbereichs, Bonn, 1983. Wiesbaden, 1985, pp. 301–372. (In Rus.)
20. Kichikov, A. Sh. The heroic epic “Dzhangar”. Comparative-typological study of the monument. Moscow, Nauka Publ., Eastern Literature Publ., 1992, 320 p. (In Rus.)
21. Bitkeev, N. Ts. Kalmyk heroic epic “Dzhangar”: problems of typology of national versions. Elista, Kalm. Book Publ. House, 1990, 155 p. (In Rus.)
22. Borzhanova, T. G. On the genre specificity of the Mongol-Oirat heroic epic. *Typological and artistic features of “Dzhangar”*. Elista, Kalmyk Research Institute of Language, Literature, History Publ., 1978, pp. 15–24. (In Rus.)
23. Borzhanova, T. G. Two records of the Oirat epic “Bum-Erdene”. *Ethnography and folklore of the Mongolian peoples*. Elista, Kalm. Book Publ. House, 1981, pp. 19–26. (In Rus.)
24. Borzhanova, T. G. On the issue of studying the Oirat epic tradition. *Epic poetry of the Mongolian peoples*. Elista, Kalm. Book Publ. House, 1982, pp. 106–115. (In Rus.)
25. Khabunova, E. E. Heroic epic “Dzhangar”: poetic constants of the heroic life cycle (comparative study of national versions). Rostov, NCSC HE Publ. House, 2006, 256 p. (In Rus.)
26. “Dzhangar.” V. 1. Society for the Study of Folk Art of Xinjiang Uygur Autonomous Region. Urumqi, Xinjiang People’s Publishing House, 1986. 860 p. (In Oirat writing)

27. “Dzhangar.” V. 2. Society for the Study of Folk Art of Xinjiang Uygur Autonomous Region. Urumqi, Xinjiang People’s Publishing House, 1987. 865 p. (In Oirat writing)
28. “Dzhangar.” V. 3. Society for the Study of Folk Art of Xinjiang Uygur Autonomous Region. Urumqi, Xinjiang People’s Publishing House, 2000, 460 p. (In Oirat writing)
29. Dzhangar. Heroic epic of the Xinjiang Oirat-Mongols. Vol. 1. Elista, “Dzhangar” Publ. House, 2005, 856 p. (In Kalmyk)
30. Dzhangar. Heroic epic of the Xinjiang Oirat-Mongols. Vol. 2. Elista, “Dzhangar” Publ. House, 2006, 831 p. (In Kalmyk)
31. Dzhangar. Heroic epic of the Xinjiang Oirat-Mongols. Vol. 3. Elista, “Dzhangar” Publ. House, 2008, 460 p. (In Kalmyk)
32. Dzhangar. Kalmyk heroic epic (texts of 25 songs). Moscow, Nauka Publ., 1978, Vol. 2, 417 p. (In Kalmyk)
33. Kalmyk heroic epic “Dzhangar”: Maloderbetovsky cycle / introduction by B. B. Mandzhieva; verification of song texts with the original in “clear writing” by B. B. Goryaeva, B. B. Mandzhieva, Ts. B. Seleeva; translation by T. A. Mikhaleva; notes, commentary, dictionary, indexes by B. B. Mandzhieva, T. A. Mikhaleva. Moscow, Pervaya Obraztsovaya Typography, Branch of the Chekhov Printing House, 2020, 544 p. (Collection of Kalmyk Folklore). (In Rus.)
34. Mandzhieva, B. B. Kalmyk heroic epic “Dzhangar”: the epic repertoire of the dzhangarchi Teltiya Lidzhieva. Elista, Publ. House of the Kalmyk Scientific Center of the RAS, 2024, 412 p. (In Rus.)
35. Mandzhieva, B. B. The motif of a miraculous birth in the Xinjiang Oirat epic tradition of “Dzhangar”. *New Philological Bulletin*, 2024, No. 2 (69), pp. 415–428. (In Rus.)
36. Chaptkova, Yu. I. The motif of the hero’s miraculous birth in the Khakas heroic epic. *Bulletin of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University. Series Epic Studies*, 2020, No. 2(18), pp. 64–73. DOI: 10.25587/k3804-4667-0763-p. (In Rus.)
37. Seleeva Ts. B. “Heroic Matchmaking” in the Xinjiang Oirat version of “Dzhangar”: plot composition and compositional structure. *New Philological Bulletin*, 2019, No. 2 (49), pp. 65–78. (In Rus.)